

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Е. М. Брусникин

Проблемы переселенческого движения, ставшего с конца XIX в. заметным явлением в экономической и политической жизни России, привлекали внимание многих буржуазных историков¹. Однако, останавливаясь главным образом на тех мытарствах, которые выпадали на долю переселенцев, они мало касались деятельности государственных учреждений² и борьбы течений внутри правительственного лагеря по вопросу переселения крестьян. Эта проблема не получила должного освещения и в советской исторической науке³. В настоящей статье автор сделал попытку проследить эволюцию переселенческой политики правительства за последние два десятилетия XIX в., выяснить ее содержание и непосредственные результаты.

К началу 80-х годов тяга крестьян к переселению на свободные казенные земли, обусловленная малоземельем, заметно усилилась. Основная масса переселенцев шла из губерний Центрально-Черноземного района и Малороссии. «Это — тот центр России, — писал В. И. Ленин, — где всего сильнее остатки крепостничества, где всего ниже заработная плата, где крестьянским массам живется особенно тяжело»⁴.

Большинство переселенцев прибывало на новые места «самовольно». После отмены крепостного права и вплоть до 1881 г. в русском законодательстве не было общих правил, которые определяли бы поря-

¹ А. А. Кауфман. Переселение и колонизация. СПб, 1905; В. Н. Григорьев. Переселение крестьян Рязанской губернии. М. 1885; А. А. Исаев. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб. 1891; В. В. Кирьяков. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь. М. 1902, и др.

² Исключение составляет работа П. И. Лященко «Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика». Т. 2. Томск. 1917. Автор широко привлек архивные материалы и дал обобщающий очерк правительственных мер по переселению крестьян более чем за 50 лет. Однако многие положения этой работы не могут не вызывать серьезных возражений. В частности, Лященко допустил переоценку роли Комитета Сибирской железной дороги, утверждая, будто бы в середине 90-х годов установилась свобода переселений в район строящейся железнодорожной магистрали; ограничившись исследованием «узаконений», он совершенно не показал, какое значение имела крепостническая политика самодержавия для переселенческого движения.

³ Ее отдельные аспекты рассматривались в следующих работах: В. В. Покшишевский. Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск. 1951; Л. Ф. Скляр ов. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л. 1962; В. А. Степанин. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск. 1962; П. Д. Верещагин. Из истории переселения крестьян в Казахстан и Среднюю Азию. «Ученые записки» Петропавловского государственного педагогического института. Вып. 3, 1958; М. С. Симонова. Борьба течений в правительственном лагере по вопросам аграрной политики в конце XIX в. «История СССР», 1963, № 1

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание Сочинений (ПСС). Т. 23, стр. 153.

док переселения крестьян. «Положение» 19 февраля признавало право на переселение лишь за незначительной частью крестьян, которые не получили надела по реформе 1861 года. Опасаясь развития «вредной подвижности и бродяжничества в сельском населении», правительство сохранило даже уголовные меры наказания не только за переселение, но и за подготовку к нему без разрешения. «Винные» подлежали аресту сроком от 2 недель до 3 месяцев⁵.

Поворот в переселенческой политике наметился на рубеже 70—80-х годов во время второй революционной ситуации в России. Волнения крестьянских масс и нависшая угроза «черного передела» вызвали тревогу в «верхах» за судьбы крупного землевладения, заставив правительство обратиться к переселенческому вопросу, разрешением которого оно надеялось смягчить земельный голод среди крестьян.

Первыми забили тревогу земские учреждения. В 1880 и 1881 гг. некоторые из них (Воронежское, Орловское, Псковское, Тульское, Черниговское, Курское, Полтавское) решили ходатайствовать об облегчении переселения безземельных и малоземельных крестьян на казенные земли⁶. Воронежское земство писало губернатору, что в «сельском населении... живет и питается вера в то, что рано или поздно земля будет крестьянской. Что такая вера живет у бывшего крепостного, есть факт. Никакими писаными актами разрушить эту веру невозможно». Выход из создавшегося положения авторы записки видели в переселении «избытка» населения в другие губернии⁷. В орловском губернском собрании один из гласных утверждал, что «увеличение наделов путем переселения прекратило бы в народе все толки о переделе частной поземельной собственности»⁸. Аналогичные соображения высказывались и в других земствах.

После 1 марта 1881 г. правительство, принимая решительные меры по борьбе с революционным движением, одновременно изыскивало средства, с помощью которых можно было бы «успокоить умы». Министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов особо подчеркивал, что «весьма существенную» помощь переселению крестьян могло бы оказать устранение имеющихся ограничений для выхода из сельских общин и приписки к новому месту жительства⁹.

Подготовленный в 1881 г. в министерстве государственных имуществ при непосредственном участии чиновников этого министерства А. Н. Куломзина и А. И. Ермолова проект закона о переселении крестьян был рассчитан на то, чтобы дать выход на окраины некоторой части крестьянства, особенно остро переживавшей земельную нужду. Право на переселение получали безземельные и малоземельные крестьяне, владевшие не более $\frac{1}{3}$ высшего или указного надела, определенного «Положением» 19 февраля 1861 года. Но чтобы исключить возможность массового переселения крестьян, увольнение из сельского общества не должно было превышать половины наличного числа «душ». Выход из общины должен был облегчаться тем, что крестьяне освобождались от предварительного представления приемного приговора, а их недоимки переводились по новому месту жительства¹⁰.

Не дожидаясь окончательной разработки законопроекта, комитет министров в срочном порядке принял «Временные правила» о пересе-

⁵ Полный свод уголовных законов. Уложение о наказаниях. СПб-М. 1879, стр. 344—345, статьи 947 и 948.

⁶ Г. П. Сазонов. Обзор деятельности земств по сельскому хозяйству. Т. 2. СПб. 1896, стр. 755—762.

⁷ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. Переселенческого управления, № 391, оп. 1, д. 3, л. 6.

⁸ Г. П. Сазонов. Указ. соч., стр. 758.

⁹ Государственная библиотека имени Ленина, Рукописный отдел (ГБЛ, РО), ф. Д. Ф. Самарина, № 256, л. 114/1.

¹⁰ ЦГИАЛ. ф. Переселенческого управления, № 391, оп. 1, д. 4, лл. 49—50, 56—57.

лении крестьян (утвержденные 10 июля 1881 г.), которые допускали переселение только с разрешения министра внутренних дел и министра государственных имуществ. Само же разрешение выдавалось просителю лишь в том случае, если его «экономическое положение к тому вынуждало». Такая постановка вопроса, разумеется, открывала широкий простор для произвола властей в выдаче разрешений на переселение. Права крестьян по устройству на новом месте также были ограничены. Участки должны были отводиться лишь в краткосрочное пользование (от 6 до 12 лет) размерами не более 8 десятин на душу¹¹.

Между тем подготовка проекта закона о переселении крестьян продолжалась. В комиссии при министерстве внутренних дел под председательством известного статистика и географа П. П. Семенова была подробно определена организация переселенческого дела на местах. Предполагалось, что уездные по крестьянским делам присутствия будут составлять списки сельских обществ с указанием числа душ мужского пола, имеющих менее $\frac{1}{3}$ высшего или указного надела, либо получивших в надел «совершенно недоброкачественную» землю¹². Комиссия не установила размера ссуд переселенцам. Уездной администрации предписывалось лишь ходатайствовать о пособиях, как путевых, так и на первоначальное устройство, причем в отношении только тех переселенцев, которые «решительно не имеют собственных наличных средств»¹³. В сущности, это был проект планомерного переселения беднейшей части крестьянства из центральных губерний Европейской России практически без какой-либо существенной помощи со стороны государства.

«Заключение» комиссии обсуждалось в конце 1881—начале 1882 г. на совещании «сведущих людей». Мнение совещания было выражено в проекте, составленном при непосредственном участии эпигона славянофильства Д. Ф. Самарина. В написанной им вступительной части проекта, где элементы либеральной фразеологии (рассуждение о свободе личности) тесно переплетались с ультраконсервативными взглядами (защита общинного землевладения и неотчуждаемости наделов), выдвигался принцип свободы переселения для каждого лица¹⁴.

«Сведущие люди» различали два вида переселений: во-первых, переселение «на свой счет и страх», в отношении которого было сказано, что, кроме освобождения от всяких сборов за проезд по шоссейным дорогам, на местах и переправах, переселенцы этого рода не должны рассчитывать ни на какое пособие во время следования к месту назначения; во-вторых, переселение с «пособием» малоземельных крестьян, хозяйство которых пришло в упадок. Совещание ничего не сделало, чтобы расширить льготы переселенцам. «Поощрение» переселений,— писал Д. Ф. Самарин,— не должно входить в планы правительства, «вполне достаточно» издать такой закон, который сыграл бы роль «предохранительного клапана», дав выход недовольным на свободные земли, но на свои средства¹⁵. Таким образом, проект демагогически провозглашал лишь право на переселение, оставляя крестьян на произвол судьбы как в дороге, так и при устройстве на новом месте.

Губернаторы, за некоторым исключением, судя по представленным в министерство внутренних дел отзывам, неодобрительно отнеслись даже к этим весьма умеренным пожеланиям. При всем различии мнений большинство из них склонялось к тому, чтобы разрешить переселение не всем желающим, а лишь небольшой части, «избытку» населения, и если даже будет издан новый закон, то он должен быть таким, чтобы

¹¹ Там же, ф. Комитета министров, № 1263, 1881 г., оп. 1, д. 173, лл. 853, 861—862.

¹² Там же, ф. Переселенческого управления, № 391, оп. 1, д. 4, лл. 99—100.

¹³ Там же, л. 102.

¹⁴ Там же, д. 10, лл. 26, 33.

¹⁵ Там же, лл. 19, 24.

им не была вызвана новая волна переселенческого движения. Помещиков, конечно, пугала перспектива большого отлива сельского населения из внутренних губерний, что могло привести к сокращению числа рабочих рук, повышению в связи с этим заработной платы сельскохозяйственным рабочим и падению арендных цен. Эта мысль весьма отчетливо прозвучала в записке тамбовского губернатора. «Большая часть помещичьих хозяйств в малоземельных и чисто земледельческих местностях, несомненно, могут процветать, даже просто существовать благодаря лишь дешевизне рабочих рук и высоким арендным ценам на землю... Поэтому, если бы немедленно было организовано переселение и, кроме облегчений переселений на свой счет и страх, правительство пришло бы на помощь и нуждающимся переселенцам, которые первым родом переселения воспользоваться не в силах,— весьма многие помещичьи хозяйства должны бы были пасть»¹⁶.

После перехода правительства к открытой политической реакции, когда во главе министерства внутренних дел встал Д. А. Толстой, надвинувший на Россию, по выражению современника, «мертвящую хлороформовую шапку»¹⁷, с разговорами о свободе переселений было покончено. В начале 1884 г. Толстой представил «всеподданнейший» доклад, в котором издание закона о переселении крестьян из всех губерний признавалось делом не только «вредным», но и «невозможным» на том основании, что правительство будто бы не располагало достаточным количеством годных к заселению земель. Переселение, по мнению Толстого, могло быть допущено лишь из семи губерний черноземной полосы, трех малороссийских и двух волжских (Симбирская и Казанская губернии)¹⁸.

Дело, таким образом, клонилось к тому, чтобы придать переселенческому движению весьма ограниченные масштабы.

В проекте «Правил о переселении земледельческого населения на казенные земли», представленном Толстым в Государственный совет в марте 1889 г., воспроизводились почти текстуально положения «Временных правил» 1881 г. о порядке выдачи разрешений на переселение. Ходатайства крестьян и впредь должны были передаваться на усмотрение министра внутренних дел и министра государственных имуществ, причем уважительными могли быть признаны ходатайства лишь тех лиц, которые были «вынуждены к переселению своим экономическим положением»¹⁹. Таким образом, в проекте Толстого ничего не осталось от рассуждений комиссий начала 80-х годов о более или менее точном определении категории крестьян, имеющих право на переселение. Казенные земли для переселенцев в Европейской части России предполагалось (как и по правилам 1881 г.) отводить лишь во временное пользование (от 6 до 12 лет) и предоставлять их в надел только по окончании арендного срока²⁰. Высшие размеры наделов указывались в особой таблице во избежание «опасных» аналогий с порядком наделения землей по «Положению» 19 февраля. В Сибири земли должны были отводиться, как и крестьянам-старожилам, за оброчную плату в «постоянный надел» и в общинное пользование²¹. Министр внутренних дел предлагал предоставить некоторые льготы переселенцам: по уплате казенных платежей и отбыванию воинской повинности; удешевлению проезда по железной дороге, ссудам на первоначальное обзаведение и покупку леса. Толстой, конечно, понимал, что зачисление на действительную военную

¹⁶ Там же, д. 9, л. 38.

¹⁷ ГБЛ, РО, ф. А. Н. Куломзина, № 9803, д. 5, л. 7.

¹⁸ ЦГИАЛ, ф. Департамента законов Государственного совета, № 1149, оп. т. XI, д. 43, лл. 3—4; ф. В. И. Вешнякова, № 911, оп. 1, д. 107, л. 18.

¹⁹ Там же, ф. Департамента законов Государственного совета, № 1149, оп. т. XI, 1889 г., д. 43, л. 37.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

службу порой единственного в семье работника подрезало бы под корень хозяйство переселенца. Ссуды на первоначальное обзаведение при том порядке выдачи, который проектировался министром внутренних дел, не могли иметь существенного значения для переселенцев, потому что намечалось выдавать их не всем, а лишь «наиболее нуждающимся». Кроме того, чтобы получить ссуду, надо было преодолеть сложную и длительную процедуру рассмотрения прошений во многих инстанциях бюрократического аппарата. Размер ссуды и условия ее уплаты должны были определяться в каждом частном случае особым совещанием по переселенческим делам при земском отделе министерства внутренних дел²².

Однако и представленный в таком виде законопроект Государственный совет признал непригодным, дающим якобы слишком большие выгоды переселенцам, слишком большие льготы. Соединенные департаменты прежде всего указали, что «на правительстве лежит обязанность скорее сдерживать переселение, нежели поощрять его посредством оказываемого переселенцам содействия в разных видах. Это соображение надлежит принять за исходную точку всяких предначертаний по упомянутому предмету...»²³. Ввиду этого решено было внести в проект ряд частных изменений и придать ему более «скромную форму», дабы новый закон «не мог возбудить предположения, что правительство поощряет переселения».

В связи с этим направлением правительственной политики в законопроект были внесены следующие коррективы: 1) «самовольных» переселенцев предлагалось возвращать с помощью полиции на прежнее место жительства; 2) выдача разрешений переселенцам ставилась в зависимость от наличия сведений о свободных земельных участках; 3) запрещалось отчуждение предоставленных в постоянное пользование казенных земель; 4) переселенцам предоставлялось право брать земли в общинное или подворное пользование; 5) устранялись льготы при проезде по железной дороге²⁴.

Во избежание «превратных толкований» выражение об отводе земель «в надел» было заменено другим — «в бессрочное пользование». Табель с точным указанием высших размеров надела для разных местностей Европейской России решено было устранить, указав лишь, что нарезка участков будет производиться в размере, определяемом «по соображениям с местными условиями земледелия и производительности почвы»²⁵.

Все это, разумеется, не означало, что проект Толстого подвергся в Государственном совете «коренной переработке», как писал о том П. И. Лященко²⁶. Основа нового закона, утвержденного 13 июля 1889 г., осталась та же: воспретить крестьянам переселяться по своему усмотрению, оставив за администрацией возможность в каждом отдельном случае решать вопрос о праве и условиях переселения. Однако положение крестьян, ухотивших на новые земли, с изданием закона 1889 г., бесспорно, ухудшилось. Ходатайства крестьян могли быть теперь в любое время отклонены под предлогом отсутствия свободных земельных участков. Многим переселенцам, так и не дождавшимся разрешения, грозило возвращение этапным порядком на прежнее место жительства. Поземельное устройство точно не было определено; размеры участков могли устанавливаться по усмотрению местных чиновников. Отчуждение и отдача в залог переселенческих участков были запрещены. Что

²² Там же, лл. 37—38.

²³ Там же, л. 53.

²⁴ Там же, лл. 54—56.

²⁵ Там же.

²⁶ П. И. Лященко. Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика, стр. 104—105.

касается пособий для переселенцев, то возможность их получения была весьма призрачна.

В практике переселенческого дела большинство губернских и уездных по крестьянским делам присутствий еще до издания закона 1889 г. придерживалось правила отказывать в выдаче разрешений тем крестьянам, которые не имели достаточно собственных средств на переселение или могли арендовать земли у помещиков, хотя бы и на крайне невыгодных условиях. После 1889 г. этот порядок, подтвержденный рядом циркулярных разъяснений, сохранился. Все крестьяне, имевшие после продажи всего своего имущества менее 125—300 руб., то есть именно те, которые больше всего бедствовали, как правило, получали отказ на свои прошения²⁷. Таким образом, если в начале 80-х годов, в период второй революционной ситуации, многие местные учреждения еще заявляли о необходимости облегчения условий переселения беднейшей части крестьянства, то в последующие годы они прилагали не менее энергичные усилия, чтобы удержать рабочую силу на прежних местах.

Однако отсутствие разрешений не могло остановить крестьян. По данным официальной статистики, на основании нового закона до 1892 г. министерство внутренних дел выдало разрешения на переселение в разные местности 17 289 семьям, между тем за эти же годы было зарегистрировано переселившихся только за Урал 28 911 семей²⁸. Вообще же «самовольные» переселения составляли в начале 90-х годов от 60 до 85% всего переселенческого движения в Сибирь, не говоря уже о таких районах, как Кубань, где переселение было почти исключительно «самовольным»²⁹.

Положение крестьян, вынужденных в силу крайней бедности искать лучшей участи в «обетованных землях», было поистине ужасным. Слова «переселенец» и «нищий» воспринимались как синонимы. Для заведения хозяйства семье на новом месте, по исчислениям сибирской администрации, необходимо было иметь как минимум в Томской губернии 140—150 руб., а в Енисейской губернии — 257 рублей³⁰. По подсчетам В. А. Степынина, в Енисейской губернии для этой цели надо было иметь не менее 350—400 рублей³¹. Однако все проводившиеся переписи вновь образованных поселков говорят о том, что лишь небольшая часть переселенцев располагала указанной суммой. В Томске, например, за 4 года (1890—1893 гг.) было опрошено 14 509 семей³². Результаты этого опроса были следующие:

Каждая семья имела (в руб.)	Количество семей	в %
0 — 10	9 096	62
10 — 50	3 327	23
50 — 100	1 021	7
100 — 300	800	8
300 и более	265	

Как видим, 62% переселенцев вообще не имели никаких средств или имели не более 10 руб., и только около 8% из них могли рассчитывать на собственные средства. Результаты сплошной подворной описи 4 307 хозяйств, проведенной А. А. Кауфманом в Томской губернии в 1894 г., показывают приблизительно такую же картину: 52,9% общего

²⁷ ЦГИАЛ, ф. Переселенческого управления, № 391, оп. 1, дд. 16, 18, 19, 30 и другие с ходатайствами крестьян разных губерний.

²⁸ «Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом». СПб. 1900, стр. 117.

²⁹ А. А. Кауфман. Переселение и колонизация, стр. 31; Д. М. Головачев. Переселение в 1892 г. «Вестник Европы», 1893, № 8, стр. 804.

³⁰ «Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела». СПб. 1896, стр. 245.

³¹ В. А. Степынин. Указ. соч., стр. 171.

³² «Северный вестник», 1895, № 1, стр. 274.

числа переселенцев, прибывших в губернию в 1891—1893 гг., не имели ни копейки; 36,4% принесли с собой до 100 руб. и только 10,5% — свыше 100 рублей³³.

Итак, $\frac{9}{10}$ всех переселенцев не располагали необходимыми средствами для заведения хозяйства на новом месте и поэтому вынуждены были прибегать к ростовщическому кредиту у старожилов, батрачить, обращаться за мизерными ссудами. За 10 лет (с 1884 по 1893 г.) томскими чиновниками было роздано в ссуды 50 тысячам семей переселенцев 35 018 руб.³⁴, то есть на каждую семью приходилось в среднем по 70 копеек.

Безысходная нужда, полуголодное существование, антисанитарные условия в дороге, жизнь в землянках по приезде на место — все это приводило к тому, что начиная с 1888 г. смертность среди переселенцев, прибывавших в Томскую губернию, стала составлять 6,0%³⁵. В голодный 1892 год она достигла рекордной цифры — 50% заболевших и 10% от общего числа переселенцев³⁶.

Трудности устройства переселенцев в Сибири были сопряжены также с плохой организацией работ по отводу земельных участков, которыми в конце 80 — начале 90-х годов было занято не более 26 «межевых чинов». С 1885 по 1893 г. они наделали землей в среднем за год в Тобольской и Томской губерниях, а также в степных областях по 3,2 тыс. душ мужского пола³⁷, в то время как прибывало в этот же район Сибири в среднем 5,3 тыс. семей в год, насчитывавших 31,9 тыс. человек³⁸.

В марте 1891 г. генерал-губернатор Таубе сообщал, что прибывшие в Акмолинскую область переселенцы не устроены, «крайне бедствуют от плохого питания», среди них появилась цинга и другие болезни³⁹. Опасаясь нового наплыва переселенцев в связи с голодом во многих губерниях, а также учитывая неустроенность переселенческих партий предыдущих лет, министерство внутренних дел, сославшись на недостаток заготовленных земельных участков для переселенцев, вообще приостановило на неопределенное время выдачу разрешений на переселения циркуляром № 11 от 6 марта 1892 г.⁴⁰, который сохранял силу до середины 1894 года.

История крестьянских переселений последних 7 лет XIX в. была тесно связана с деятельностью Комитета Сибирской железной дороги, образованного в декабре 1892 года. Строительство Транссибирской магистрали потребовало заселения огромной территории. Размеры ассигнований на устройство переселенцев выросли в несколько раз по сравнению с ничтожными расходами на переселенческое дело в 80 — начале 90-х годов. Если с 1885 г. на работы по подготовке участков для переселенцев отпускалось ежегодно всего 40 тыс. руб., то за время строительства Сибирской железной дороги с 1893 по 1901 г. эта цифра возросла до 3 577 860 руб. (в среднем по 397 540 руб. в год, что было почти в 10 раз больше, чем в 80-е годы⁴¹). Состав поземельно-устроительных партий, насчитывавших ранее 1,5—2,5 десятка человек, был увеличен

³³ А. А. Кауфман. Томские переселенцы по подворному исследованию 1894 г. «Сборник правоведения и общественных знаний». Т. 7. М. 1897, стр. 213.

³⁴ А. А. Кауфман. К вопросу о причинах и вероятной будущности русских переселений. М. 1898, стр. 32.

³⁵ А. А. Кауфман. Томские переселенцы по подворному исследованию 1894 г., стр. 213.

³⁶ ЦГИАЛ, ф. Д. С. Сипягина, № 721, оп. 2, д. 759, л. 72; ГБЛ, РО, ф. А. Н. Куломзина, № 9803, д. 7, л. 32.

³⁷ «Очерк работ по заготовлению переселенческих участков». СПб. 1900, стр. 14.

³⁸ ЦГИАЛ, ф. Переселенческого управления, № 391, оп. 1, 1894 г., д. 44, л. 488.

³⁹ Там же, д. 29, л. 15.

⁴⁰ Там же, ф. Д. С. Сипягина, № 721, оп. 2, д. 259, л. 62.

⁴¹ А. А. Кауфман. Сибирское переселение на исходе XIX в. Изд 2-е. СПб. 1901, стр. 17.

в 1899 г. до 201 человека⁴². Во время строительства Сибирской железной дороги стало отводиться земель под заселение в 10,5 раза больше, чем в предыдущий период⁴³.

В 90-е годы увеличилась сумма ссуд переселенцам на первоначальное обзаведение. В Томской, Тобольской, Енисейской и Иркутской губерниях и в Акмолинской области было опрошено 56 977 семей, поселившихся здесь до 1898 г. включительно; из них ссуды получили 50 307 семей (88,2%), причем средний размер ссуды составил 71,2 руб. на семью⁴⁴.

Однако все предоставлявшиеся виды помощи были слишком малы, чтобы они могли существенным образом изменить условия переселения, тем более что расходы в связи с освоением дальних таежных районов и стоимость заведения хозяйства к концу 90-х годов значительно повысились. Правительственные ссуды далеко не покрывали и половинной доли всех издержек крестьян на переселение. Почти 2-миллионный расход на выдачу ссуд в 1896 г. был возмещен уже в том же году на 95% в виде платы за проезд по железной дороге, составившей около 1 850 тыс. руб.; в 1898 г. тем же путем были возвращены 1 109 тыс. рублей⁴⁵. Переселенцам приходилось долго ждать получения ссуды. А. Н. Куломзин, ознакомившийся с положением дела во время своей поездки по Сибири, отмечал, что в Тобольской губернии 2 989 семей, пришедших в 1895 г., получили ссуду лишь летом 1896 года⁴⁶.

Особенно трудно приходилось «самовольным» переселенцам. Многие из них по 2—3 года не могли попасть в очередь на получение земли⁴⁷. Чиновники, отмечал в своих мемуарах Куломзин, «подвергали самовольных переселенцев нестерпимым мытарствам»⁴⁸.

Общим показателем того, что и в конце 90-х годов переселенцам отнюдь не легче было устраиваться на землях Сибири, являются данные о значительных размерах безрезультатного хождения и неуклонном росте обратного движения переселенцев. Так, из всего числа ходяков, возвратившихся через Челябинск в 1897 г., только 31,4% зачислили за собой земельные участки; в 1898 г. — 31,9% и в 1899 г. — 28,4%⁴⁹. Некоторая часть ходяков общей численностью 25 853 человека (21,4%)⁵⁰ осталась в 1897—1899 гг. на новых местах и вызвала туда свои семьи.

Относительные размеры обратного движения переселенцев в начале 80-х годов были незначительны (3,2%)⁵¹, но к концу XIX — началу XX в. они выросли более чем в 5,8 раза⁵².

	Движение на новые земли (чел.)	Обратное переселение (чел.)	% обратных переселенцев
1887—1892 гг.	323 962	28 169	8,7
1894—1898 „	481 194	66 392	13,8
1899—1903 „	529 628	99 528	18,8

⁴² «Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом», стр. 230.

⁴³ «Очерк работ по заготовлению переселенческих участков», стр. 14, 278.

⁴⁴ «Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом», стр. 263.

⁴⁵ Там же, стр. 265.

⁴⁶ «Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела», стр. 70.

⁴⁷ И. Я м з и н. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев. 1912, стр. 139.

⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. А. Н. Куломзина, № 1642, оп. I, д. 195, л. 129.

⁴⁹ «Переселение в Сибирь». Вып. 18. СПб. 1906, стр. 78—79.

⁵⁰ Подсчитано на основании данных статистического сборника «Переселение в Сибирь», стр. 12—13, 78—79.

⁵¹ «Отчет переселенческой конторы в Батраках». «Правительственный вестник», 1886, № 20, 21.

⁵² В таблице использованы материалы общей канцелярии министерства финансов (ЦГИАЛ, ф. 560, № 187, оп. 27, д. 37) и данные сборника «Переселение в Сибирь», стр. 20, 21.

Итак, несмотря на более широкую постановку землеотводных работ в районе строительства Сибирской железной дороги, несмотря на возросшие размеры ссуд, все большей части переселенцев не под силу было освоение новых земель.

Либерально-буржуазные историки, превозносившие заслуги Комитета Сибирской железной дороги и считавшие его учреждение «началом новой эпохи в истории русских переселений»⁵³, обычно оставляли в тени тот факт, что царизм и в 90-е годы стремился ограничить размах переселенческого движения.

Подготовительная комиссия Комитета Сибирской железной дороги начала свою деятельность с того, что на первых же заседаниях в марте — апреле 1893 г., определяя общее направление работы, подтвердила свою готовность действовать в рамках закона 13 июля 1889 года. Постановления этого закона о порядке «водворения» переселенцев, говорилось в журнале заседаний, «вполне отвечают намеченной им цели»⁵⁴.

Между тем, несмотря на приостановку выдачи разрешений, поток переселенцев на восточные окраины приобрел небывалые до того времени размеры. По данным регистрации в Тюмени, Уфе и Оренбурге, в 1892 г. прошло из Европейской части России 92 146 человек, а в 1893 г. — 63 828; около 78% из них переселились без разрешения⁵⁵. Ввиду этого правительству пришлось изыскивать новые средства для борьбы с «самовольным» переселением.

Образованное в начале 1894 г. при министерстве внутренних дел особое совещание по переселенческому делу под председательством Д. С. Сипягина пришло к выводу, что борьба с «самовольными» переселенцами может оказаться безуспешной, если придерживаться одних только запретительных мер⁵⁶. Поэтому, с одной стороны, было принято решение о возобновлении выдачи разрешений на переселение, а с другой — о принятии к «незаконным» переселенцам «самых строгих» мер. Волостных старшин и сельских старост предполагалось привлекать к административной и имущественной ответственности за выдачу паспортов тем крестьянам, которые не имели разрешения на переселение. Замеченные как в пути, так и по прибытии в Сибирь «самовольные» переселенцы должны были возвращаться на родину и привлекаться к уголовной ответственности по ст. 948 «Уложения о наказаниях»⁵⁷.

Чтобы сократить наплыв в Сибирь крестьянской бедноты, совещание обратилось еще к одному средству — посылке ходоков. Раньше их считали «весьма опасными» людьми, которые «мутили» народ рассказами о привольной жизни в Сибири. Совещание решило легализовать посылку ходоков, они должны были утверждаться земскими начальниками и получать право на льготный проезд по железной дороге. Несколькими позже А. Н. Куломзин, имея в виду эту меру, говорил, что она будет «способствовать сокращению переселений, так как позволит многим воочию убедиться в своей слабосильности для заведения нового хозяйства в Сибири»⁵⁸.

Вопрос о «самовольных» переселенцах обсуждался в марте 1895 г. в Комитете Сибирской железной дороги. Министр внутренних дел Дурново придерживался прежней точки зрения — возвращать к месту приписки всех крестьян, переселявшихся без разрешения. Однако Витте, Бунге и Ермолов высказались против возвращения таких переселен-

⁵³ А. А. Кауфман. Сибирское переселение на исходе XIX века. Изд. 2-е, стр. 17.

⁵⁴ ЦГИАЛ, ф. Комитета Сибирской железной дороги, № 1273, оп. 1, д. 78, л. 14.

⁵⁵ Там же, д. 310, л. 139.

⁵⁶ Там же, л. 140.

⁵⁷ Там же, д. 310, лл. 163—166.

⁵⁸ Там же, д. 78, л. 446.

цев в принудительном порядке⁵⁹. Ссылаясь на существующие размеры переселенческого движения, когда за 7 лет из Европейской России переселилось 300 тыс. «душ» при ежегодном естественном приросте населения приблизительно в 1500 тыс. человек, Витте утверждал, что переселение не может оказать отрицательного влияния на экономическое развитие страны. Присутствовавший на заседании Николай II по этому поводу заметил, что к переселению крестьян можно отнести «без каких-либо опасений»⁶⁰. На этом заседании Комитет Сибирской железной дороги принял решение, чтобы подготовительная комиссия рассмотрела вопрос о допущении «некоторых изъятий» из действующего закона для переселенцев, направлявшихся в район Сибирской железной дороги, и представила свои соображения на утверждение.

В начале 1896 г. подготовительная комиссия, обсудив этот вопрос, пришла к заключению, что политика репрессий в отношении «самовольных» переселенцев, которую проводило правительство, руководствуясь известными положениями закона 1889 г., оказалась несостоятельной. «Меры карательные,— утверждал иркутский генерал-губернатор Горемыкин,— не могут остановить переселенческого движения»⁶¹. Комиссия избрала иное средство: лишение переселенцев, не имевших проходного свидетельства, ряда обычно предоставлявшихся льгот. Недоимки по казенным платежам, перечислявшиеся до сих пор на прежнее общество, должны были переводиться по новому месту жительства. Предполагалось также не давать таким переселенцам удешевленного проезда по железной дороге, лишить льготы по отбыванию воинской повинности и устраивать их по возможности лишь на заготовленных участках⁶². Чтобы ускорить рассмотрение прошений крестьян о переселении, комиссия признала целесообразным по усмотрению министра внутренних дел предоставлять губернским по крестьянским делам присутствиям решать вопрос о выдаче разрешений на переселение⁶³. Заключение подготовительной комиссии было одобрено без существенных изменений Государственным советом и 15 апреля 1896 г. утверждено царем.

Летом 1896 г. переселенческое движение превзошло все ожидания правительства. Только через челябинский переселенческий пункт в том году прошло 156 166 человек⁶⁴.

Правительство приняло срочные меры к сокращению переселенческого движения. 15 июня 1896 г. временно была приостановлена выдача разрешений. Министерство внутренних дел напоминало губернаторам, что «самовольные» переселенцы должны отдаваться под суд и что местная администрация «не только вправе, но и обязана» не останавливаться в случае необходимости «перед немедленной задержкой и возвращением самовольно отлучившихся в место выхода»⁶⁵.

Вопрос о мерах сокращения переселенческого движения обсуждался в ноябре 1896 г. на заседании подготовительной комиссии Комитета Сибирской железной дороги. Куломзин предложил широко оповестить крестьян через земских начальников, что в следующем, 1897 г. ввиду «отсутствия в Сибири свободных земель» переселенцы, не получившие разрешения, устраиваться не будут и что по закону 1896 г. они будут лишены льгот. Подготовительная комиссия приняла затем два предложения: одно — о лишении «самовольных» переселенцев права на получение пособий в пути и другое — Куломзина — о посылке вместо хо-

⁵⁹ Там же, д. 40, лл. 50—51.

⁶⁰ Там же, л. 50.

⁶¹ Там же, ф. Департамента законов Государственного совета, № 1149, т. XII, 1896, д. 31, л. 28.

⁶² Там же, лл. 36—38.

⁶³ Там же, л. 38.

⁶⁴ «Переселение в Сибирь», стр. 2—3.

⁶⁵ ЦГИАЛ, ф. Переселенческого управления, № 391, оп. 1, д. 49, л. 174.

доков — уполномоченных, подчас превращавших ходачество в доходный промысел, семейных ходоков⁶⁶, что еще больше увеличило расходы крестьян на переселение. В начале 1897 г. министерство внутренних дел установило уже обязательную посылку семейных ходоков перед переселением и только с разрешения местных властей⁶⁷.

Итак, в 90-х годах правительство по-прежнему стремилось ограничить переселенческое движение узкими бюрократическими рамками, удержать крестьян от массового переселения из центральных губерний Европейской России, изменив способы борьбы с «самовольным» переселением. Ему пришлось отказаться от принудительного возвращения переселенцев, уходивших без разрешения, но зато эти же переселенцы были лишены ряда льгот. Ходачество также было использовано с целью ослабить стремление крестьян к переселению в Сибирь. Министерство внутренних дел направляло усилия земских начальников, всей местной администрации, на то, чтобы парализовать стихийное переселенческое движение.

Господство крепостников-помещиков в стране было величайшим тормозом в деле развития окраин. Тысячи «самовольных» переселенцев были поставлены в невыносимые условия. Запрещение крестьянам продажи земель означало установление средневековых стеснений обращения надельной земли, ограничение хозяйственной самостоятельности крестьян, лишало их возможности выручить полную стоимость своего надела при сборах на переселение.

Заселение территории, где велось строительство Сибирской железной дороги, потребовало от правительства действенных мер по устройству переселенцев, расширения работ по отмежеванию переселенческих участков, увеличения пособий для новоселов. Однако с образованием Комитета Сибирской железной дороги, деятельность которого была ограничена определенной территорией, не произошло изменения всей переселенческой политики царизма. Помощь переселенцам предоставлялась лишь в полосе строительства Сибирской железной дороги; они также подвергались на местах выхода всем обычным «воздействиям» местных властей.

Крепостническая по своему характеру переселенческая политика самодержавия «эпохи контрреформ» наиболее полно выразила заветные чаяния помещного дворянства, жившего под страхом повального бегства крестьян в Сибирь. Крепостники, писал В. И. Ленин, «ожили (на час) и показали наглядно, каковы эти другие наши общественные отношения, помимо буржуазных»⁶⁸. В середине 90-х годов, отбросив обанкротившиеся полицейские приемы «регулирования» переселений, правительство не отказалось, однако, от политики ограничения массового движения крестьян на свободные земли. И только подъем крестьянского движения в первые годы XX в. заставил его пойти на пересмотр традиционного, крепостнически-дворянского курса в переселенческой политике, сделать новый шаг на пути капиталистической эволюции России.

⁶⁶ Там же, л. 450.

⁶⁷ «Сборник узаконений и распоряжений о переселении». СПб, 1901, стр. 74—75.

⁶⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 295.